

Лян Цзинь не удивилась, что Чэнь Юй смогла разглядеть её истинный уровень. Опершись на перила второго этажа павильона, она смотрела на Чэнь Юй сверху вниз:

— Наставница Чэнь, как вы считаете, что такое гений?

Этот вопрос прозвучал совершенно неожиданно, словно она спрашивала совета, но её спокойное выражение лица говорило о том, что ответа она не ждёт.

Чэнь Юй помолчала некоторое время и ответила невпопад:

— Ты слишком хитра.

Лян Цзинь не придавала этому значения и лишь сказала:

— Слишком много гениев, которые блистают лишь одно мгновение, а потом навсегда останавливаются на этом.

Чэнь Юй больше не стала спорить. Она покачала головой и промолвила:

— Ты проявила талант, затмевающий всех современников и древних, но в итоге у тебя всё же бесполезный духовный корень. Если сможешь заложить основание в течение пяти лет, я возьму тебя в ученицы.

Сказав это, она развернулась и ушла, не оглядываясь.

Лян Цзинь молча смотрела на удаляющуюся фигуру Чэнь Юй, опустила глаза и горько усмехнулась:

— Если бы ты не была гением, которого Секта Линъюнь не видела сотни лет, как бы ты так рано угасла в реке истории.

Сердце Чэнь Юй было слишком мягким. Несмотря на высочайший уровень культивации, она никогда не доводила дела до крайности, поэтому и не знала, что Лян Цзинь могла бы убить Ван Мо. Лян Цзинь не была добрым человеком, и Ван Мо, раз за разом переступая границы, давно пробудил в ней желание убить.

Она отпустила его не потому, что заметила присутствие Чэнь Юй, а чтобы он привёл тех, на кого опирался, и тем самым она могла искоренить угрозу.

Пожалуй, это подтверждало слова Чэнь Юй: её замыслы были слишком глубоки, а сердце — слишком жестоко.

В этой жизни, даже если Чэнь Юй увидела её жестокость, она всё равно заявила, что возьмёт её в ученицы. С того момента, как она заметила, что Чэнь Юй постоянно следит за ней и собственноручно переписывает для неё формулы и методики, она поняла: стать её ученицей неизбежно.

«Среди тех, кто идёт по пути совершенствования, сколько обладающих выдающимся талантом и добрым сердцем дойдут до самого конца?»

Высокое дерево привлекает ветер, добродетельный человек вызывает зависть. Чем выше поднимаешься, тем очевиднее это становится.

Тогда на неё обрушилась внезапная беда, и она умерла, не закрыв глаз. Она знала, что душа её

полна неудовлетворённости, и это стало её сожалением.

Она хотела избавить её от несчастий, чтобы в этой жизни у неё больше не осталось сожалений.

Два дня спустя Лян Цзинь и Му Тун договорились встретиться у Башни Чиюнь. Юй Цзысюнь и Чэнь Юй отсутствовали, а в башне их встретили двое молодых учеников внешней секты. Один из них провёл Лян Цзинь и Му Тун внутрь, где они расписались в списке у другого ученика и получили жетоны внешних учеников и два комплекта чёрной тренировочной одежды.

Поскольку учеников, посещающих Башню Чиюнь, было немного, они быстро завершили все формальности и вместе вышли наружу.

— Отныне мы оба — официальные ученики Секты Линъюнь.

На обратном пути небо начало засыпать снегом. Му Тун протянула руку, ловя снежинку, лёгкую, как крыло цикады, и вдруг почувствовала печаль.

Лян Цзинь посмотрела на неё, затем снова устремила взгляд в небо. Снежинки медленно падали с высоты, вокруг царила тишина, лишь изредка раздавались звонкие птичьи трели, эхом разносившиеся между горными вершинами.

Полгода назад, когда они впервые поднялись на гору Дунъян, был разгар лета. И вот, незаметно, полгода пролетели как одно мгновение.

Первый снег на горе Дунъян открывал великолепный вид.

Лян Цзинь, глядя на эту красоту, была тронута вздохом Му Тун, и её охватила грусть. Вдруг она вспомнила прошлую жизнь, свою юность, и тот летний день, когда впервые встретила Цин Шуан. Тысячи ли были покрыты льдом, десять тысяч ли укутаны снегом. Цин Шуан казалась духом, рождённым между небом и землёй, почти сливавшимся с этим величественным снежным пейзажем.

Она была такой чистой и прекрасной, что все, кто видел её, чувствовали себя недостойными.

Лян Цзинь до сих пор могла вспомнить то непревзойдённое волнение и потрясение, которые она испытала в миг, увидев Цин Шуан. Впоследствии каждый раз, оставаясь в одиночестве, она невольно вспоминала тот день и то единственное, но незабываемое видение.

Теперь она понимала, что её сердце трепетало ещё с той самой первой встречи.

Лян Цзинь закрыла глаза, сдерживая боль, разрезавшую сердце, и тяжело вздохнула.

— Сестрица, тебя что-то тревожит?

Му Тун очнулась от своих мыслей, случайно услышав вздох Лян Цзинь, и спросила об этом.

— Прошлое, не стоит о нём говорить.

Лян Цзинь спрятала свою печаль и сожаления, заложила руки за спину и, покачивая головой, пошла вперёд.

Му Тун, услышав её слова и увидев такое поведение, посчитала это забавным, решив, что та просто изображает старость, и не придавала этому значения.

Увидев, что Лян Цзинь ушла далеко, она поспешила за ней:

— Сестрица Лян, на снегу скользко, подожди!

На следующий день в полдень Лян Цзинь собрала вещи, взяла узелок и постучала в дверь комнаты Му Тун.

Вскоре дверь открылась изнутри, и Му Тун, тоже держа в руках лёгкий узелок, улыбнулась ей:

— Я тоже собралась, пойдём.

Они прошли вступительный экзамен внешней секты и больше не были учениками-названными, поэтому им не нужно было жить в Поместье Тинцзянь.

Секта Линъюнь занимала огромную территорию. Из семи вершин Линъюнь три принадлежали внешней секте. Земли за пределами этих трёх вершин, хотя и находились под управлением Секты Линъюнь, строго говоря, не были территорией внешней секты, а считались её владениями.

Вначале, когда Лян Цзинь и другие поднялись к воротам горы, они видели, как ученики внешней секты тренировались перед залом, но это были лишь ученики, вышедшие из территории внешней секты для выполнения заданий. Обычно они оставались там на несколько месяцев, а после завершения задания возвращались в секту.

Теперь Лян Цзинь и Му Тун, полностью подготовившись, должны были отправиться на территорию внешней секты для регистрации.

Под завистливыми взглядами учеников, охранявших поместье, они рука об руку покинули Поместье Тинцзянь, перешли через Пик Чиюнь и вышли к отвесной скале, возвышающейся в облаках на северной стороне Пика Чиюнь, называемой Утёсом Ушэн.

Утёс Ушэн — падение с него означало верную смерть.

На краю утёса стояло огромное дерево, в объёме десяти человек, его корни глубоко вросли в скалу, а листва оставалась зелёной круглый год. На стволе была привязана железная цепь, светившаяся холодом, соединяющая берега утёса.

— Этот утёс очень опасен.

Поднявшись на вершину утёса, Му Тун посмотрела вниз и увидела лишь белоснежный туман.

— Эта цепь называется Цепью Переправы Душ. Тысячелетняя традиция Секты Линъюнь, помимо того, что её лидеры всегда выполняли свои обязанности, держалась на таких природных преградах, как Утёс Ушэн.

— Жетоны, которые мы получили вчера в Башне Чиюнь, на самом деле являются артефактами. Ученики секты используют магические массивы, начертанные на жетонах, чтобы удерживаться на Цепи Переправы Душ.

— В случае опасности достаточно перерубить цепь на том берегу, и никто, кроме величайших мастеров, не сможет перелететь через этот разлом.

Лян Цзинь, глядя на цепь, исчезающую в тумане, объяснила. Она вспомнила, как в прошлой жизни, когда Секта Линъюнь постигла катастрофа, именно благодаря Утёсу Ушэн ей удалось

спастись.

Му Тун повернулась к ней, чувствуя, что взгляд Лян Цзинь был глубоким, словно она знала всё в этом мире, а её движения излучали спокойствие и уверенность. Она моргнула, не понимая, как Лян Цзинь смогла узнать всё это в таких подробностях.

— Эта девочка неплохо разбирается!

Едва слова Лян Цзинь смолкли, а Му Тун ещё не успела ответить, в долине раздался голос старика.

Лян Цзинь и Му Тун напряглись, одновременно повернувшись к противоположному берегу утёса. Там они увидели седовласого старца, стоящего на цепи на кончиках пальцев, с лёгкостью и грацией шагающего в их сторону.

Прыжок по облачной лестнице!

Культиватор этапа Золотого Ядра!

Зрачки Лян Цзинь резко сузились — этот старик был культиватором этапа Золотого Ядра! Насколько она знала, во всей Секте Линъюнь было лишь три старейшины этапа Золотого Ядра. Этот старик пришёл из секты, значит, он был одним из них!

В прошлой жизни, когда Секта Линъюнь постигла катастрофа, лишь два старейшины присутствовали, а третий так и не появился. Позже, когда она достигла успеха в культивации, она попыталась выяснить, что случилось, и узнала, что его именная дощечка разрушилась за много лет до катастрофы, и он умер вдали от дома. О его судьбе не было никаких следов.

Теперь же, увидев этого старика, которого она никогда не видела раньше, она сразу догадалась, кто он.

Оказывается, тот старейшина, который пропал без вести в прошлой жизни, покинул Секту Линъюнь именно в это время!

Му Тун не знала этого внезапно появившегося старика, но, обладая некоторым опытом, поняла, что он был важной фигурой в секте, раз смог так легко перейти через Утёс Ушэн. Она не стала отвечать ему сразу, а посмотрела на Лян Цзинь, ведь старик обратился именно к ней.

Лян Цзинь быстро оправилась от шока. К старейшинам секты она всегда относилась с уважением. Даже в прошлой жизни, достигнув высокого уровня мастерства, она всегда возвращалась на родину в Линьфэн и с почтением поклонялась на руинах Секты Линъюнь.

<http://bllate.org/book/16682/1530817>